

ШОЛОХОВ ПРОДОЛЖАЕТ ОСТАВАТЬСЯ ЗАГАДКОЙ,

считает писатель Кирилл Ковальджи после знакомства с новой версией авторства "Тихого Дона"

Куранты. - 1995. - 24 авг. - с. 7

Весной 73-го в редакцию "Литературного обозрения" пришел студент Литературного института из Болгарии Спас Христо Попов. Он принес статью о казаке Павле Кудинове, который в свою пору бежал с Дона и прижился в Болгарии. Нам имя Кудинова и его судьба знакомы из "Тихого Дона", Спас же познакомился со стариком в болгарском селе Дымово и записал свои разговоры с ним. Их он и предлагал для публикации. Материал — в духе того времени — был окрашен в умильные тона, болгарскому студенту знакомство с шолоховским героем очень льстило, а я обратил внимание на некоторые странности, вытекавшие из его рассказа.

Во-первых, получалось, что Павел Кудинов не был знаком с Шолоховым. Попов записал за стариком: "Я видел писателя всего лишь один раз на одной вечеринке в 1917 году. Только вот это воспоминание сохранила моя память: подросток с пшеничными волосами и живыми глазами сидит среди молодых и буйных казаков, оживленно махает руками и смеется, а другие слушают его вразлеб". В момент их встречи Мише Шолохову было лет двенадцать, и больше они с Кудиновым никогда не виделись. В "Тихом Доне" же портрет обрисован с полным знанием описываемого человека и абсолютно совпадает с действительным знакомым Спаса: "...хорунжий Кудинов Павел, георги-

евский кавалер всех четырех степеней, краснобай и умница. Он отличался слабохарактерностью, и не ему бы править мятежным округом в такое буйное время, но тянулся к нему казаки за простоту и обходительность. А главное, глубоко уходил корнями Кудинов в толщу казачества, откуда шел родом, и был лишен высокомерия и офицерской заносчивости, обычно свойственной выскочкам. Он всегда скромно одевался, носил длинные в кружок подстриженные волосы, был сутуловат и скороговорист. Сухоощае длинноносое лицо его казалось мужиковатым, не отличимым ничем".

Так подробно быстро покинувшего Дон Кудинова Шолохов знать не мог. И потому

либо о Кудинове пишет тот, кто с ним был знаком, либо Шолохов вынужден был добывать эти реалии по крупицам. Работа долгая и кропотливая...

Кроме того, выяснилось, что не только Кудинов был выведен в повествовании под своим собственным именем! Старик свидетельствовал: "Я вспомнил Аксинью — то была вольная и любвеобильная казачка, служанка у одного помещика и любовница командира первой дивизии Харлампия Васильевича Ермакова. Вспомнил жену его Наталью и сестру его Дуняшу, вспомнил моего начальника штаба — Сафонова, командиров дивизии Медведева, Ушакова, Егорова, Меркулова, Богатырева и генерала Сидорина. Со многими из них в молодости я служил в 12-м казачьем полку, а с Прохором Зыковым служил в одной сотне. Что-то не вспоминаю Григория Мелехова, но все приписанные ему действия соответствуют жизни Ермакова".

Известно, что Ермаков жил в другой станице, чем Шолохов, а в 28-м он был расстрелян, знакомство же их с писателем было позднее и не близкое — откуда же такая

поразительная и глубокая осведомленность о жизни другого человека?

Со всеми этими вопросами я отправился к моему соседу, известному шолоховеду Юрию Борисовичу Лукину. Он был весьма сдержан и осторожен: "Любопытно. Но печатать не советую..." Но подтвердил, что Аксинья в жизни действительно была Аксиньей, а Наталья — Натальей.

Я заволновался — почему же об этом не пишется, как сложилась дальнейшая судьба этих людей? Но Лукин возразил — зачем, у романа самостоятельная судьба. И больше мне ничего из него вытянуть не удалось, кроме подтверждения, что Мелехов списан с Ермакова, который, кстати, мельком появляется в романе и сам как третьестепенный персонаж.

Так статью Попова мы и не напечатали, но она сохранилась в моем архиве. И вспомнил я о ней потому, что убежден: жизнеописание Ермакова-Мелехова, написанное им самим (на уровне искреннего, очень правдивого человеческого документа) или записанное кем-то, весьма и весьма близко знавшим Харлампия

Васильевича, существовало. Этот редкостный по силе документ попал в чьи-то талантливые руки и обрел художественное воплощение. Это мог быть Крюков или Родинон, думал я, а может, Громославский руку приложил. И уже на определенной стадии появился молодой Шолохов и с удивительной, небывалой быстротой выдал на-гора первые два тома "Тихого Дона". Скорость его письма говорит о том, что ничего он не изучал из жизни далекого ему по возрасту поколения, а брал почти готовое. Но не берусь судить о степени его участия. Предположим, что оно значительное, ведь были уже "Донские рассказы", написанные несомненным талантом.

Но вот "Куранты" в номере за 4 августа предлагают крайнюю версию Геймана Шпиро: автор "Тихого Дона" (и "Донских рассказов", и "Поднятой целины") — Серафимович, и только он. Выстроена захватывающая история, шекспировский сюжет — почти все версии вокруг авторства самого Шекспира! Но путаться не стоит, как и отмахиваться от нее тоже. Надо поискать ответа на простые вопросы, а их немало. Кто написал вторую

книгу "Поднятой целины" после смерти Серафимовича? Существует ли переписка между Шолоховым и Серафимовичем? Как развивались их отношения в течение четверти века? Достаточно ли хорошо изучен архив Серафимовича? Существуют ли следы авторской работы Серафимовича над рукописью "Тихого Дона", поступившей в журнал "Октябрь"? Известно ли, в каком виде существовала та рукопись, кто ее перепечатывал? Читал ли Шолохов гранки, верстку? Когда успел Серафимович изучить действительную историю Ермакова-Мелехова — ведь по-человечески она принципиально иная, чем история Кожуха из "Железного потока"? И вообще, не проще ли предположить, что тот самый человеческий документ, о котором я упоминал выше, попал к Серафимовичу, а писатель, вдохновенно взявшись за него, потом (по мотивам, изложенным Гейманом Шпиро) решил перепечатать его молодому Шолохову?

Вполне возможно, что история создания "Тихого Дона" сложнее, чем даже казалось до сих пор. Работы для литературоведов еще много. И я не могу согласиться с теми, кто настаивает, что никакой тут загадки нет, дескать, просто Шолохов — гений, сел и написал. Но не могу согласиться и с теми, кто считает, что тайна уже разгадана.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ.